

ЛОЛА

— ЧАСТЬ I —
ВЫПУСК 6

18+

Лола Хамраева

Лола. Часть 1. Выпуск 6.

<https://litres.ru/74505819>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда мир рушится, оставляя лишь звенящую пустоту, предательство близких и леденящую зимнюю стужу вокруг, героиня оказывается на самом дне отчаяния. Это пронзительный и драматичный финал первой части автобиографической саги-история о женщине, которая потеряла всё, но сохранила упрямую искру надежды пути к возрождению.

Сможет ли она выстоять под ударами судьбы и вернуть самое дорогое?

Лола Хамраева

Лола. Часть 1. Выпуск 6.

Данная публикация является продолжением серии Лола. Часть 1. Выпуск 5. С полным авторским вступлением вы можете ознакомиться в Выпуске 1.

Авторское примечание

Эта книга является художественным произведением, вдохновленным личным опытом и эмоциональным восприятием автора.

В целях сохранения конфиденциальности и защиты прав на частную жизнь абсолютно все имена ключевых персонажей, события, места и обстоятельства были изменены или художественно переработаны.

Герои книги являются художественными образами, созданными для раскрытия сюжета и авторского замысла.

Данная история не является документальным описанием жизни конкретных людей, не содержит утверждений о фактах из жизни реальных лиц и не имеет целью причинить вред чьей-либо репутации или достоинству.

Все события представлены через призму восприятия главной героини, её чувств, воспоминаний и личного пути. Любые совпадения с реальными людьми являются случайными.

Глава 95

Говорят, мы выбираем тех, кто отражает нас самих. Но если в нем столько тьмы, неужели и во мне скрыты те же демонические черты? Ангел не может полюбить демона — это противоречит законам вселенной.

Либо я слепа, отказываясь замечать очевидное, либо мои собственные крылья давно почернели от копоти. Если ты тянешься к свету, тебе не должно нравиться пребывать во мраке. Эти ядовитые мысли сводили меня с ума, пока ткань нашего брака расплзалась по гнилым швам.

Я искала ее цифровые следы и, наконец, выудила профиль любовницы из сетевой паутины. То, что я увидела, обрушилось на меня ледяным разочарованием. Она была отталкивающе некрасива.

На аватарке красовалась какая-то дешевая, кричащая пошлость, а в альбомах пестрели снимки в вульгарных микро-купальниках и нелепой норковой шубе прямо в салоне авто.

Как Варлам, мой Варлам, мог прикоснуться к этому? Моя грудная клетка трещала от сдавленного крика боли и гнева. Почему человек, которого я подпустила ближе всех, провернул нож в моей спине с такой жестокостью? Мир вокруг стремительно сжимался до размеров черной точки отчаяния.

Контрольный выстрел прозвучал позже. В моих руках

оказался наш семейный фотоаппарат. На экране загорелись кадры: любовница на фоне ярко-желтых подсолнухов. Те самые подсолнухи, что нагло цвели в ее профиле. Он снимал ее. На *нашу* семейную камеру.

В этот момент меня просто разорвало на части. Почему, Господи, почему всякий раз, когда мне кажется, что я могу выдохнуть и жизнь налаживается, она бьет меня наотмашь с утроенной силой?

Соседка в ужасе пыталась склеить меня утешениями, но ее слова лишь раздували пламя моей истерики. Мне нужно было спастись, нужно было за что-то ухватиться. Помню, как в каком-то полубреду выпросила у Игоря Робертовича аванс в десять тысяч рублей.

Эти деньги стали моим билетом к иллюзии свободы — я купила тот самый скоростной велосипед с алюминиевой рамой, о котором так долго мечтала. Раз уж Варлам внушил мне, что вождение машины «не для меня», категорически запретив даже думать о руле, я буду крутить педали.

Я прикрутила на багажник детское кресло, чтобы забирать моего маленького Ванечку от моей мамы и везти сквозь город домой.

Той ночью ледяной ветер пробирал до костей. Я узнала, что Варлам ночует у брата, и больное, разъедающее недоверие погнало меня в темноту. Я крутила педали с остервенением, разрезая на своем велосипеде густую ночную мглу прямо через кладбище.

Могильные плиты мелькали по сторонам, холод обжигал легкие, но мне было плевать на страх. Я просто должна была увидеть всё своими глазами. Удостовериться, что он действительно там.

Художественная реконструкция события

Когда я ворвалась в их двор, они еще работали. Брат поднял на меня глаза, полные тяжелого сочувствия. Он не нашел слов, лишь тихо выдохнул: «Лола...»

Варлам же, с лицом, высеченным из камня, молча вывел меня за ворота.

— Зачем ты приехала? — глухо спросил он.

— Убедиться, что ты здесь, — ответила я, с трудом глотая дрожь.

— Убедилась? А теперь езжай домой.

Три слова. Как три гвоздя в крышку гроба. В ту секунду иллюзии со звоном разбились вдребезги. Мужчина, который был мне так бесконечно дорог, вросший мне под кожу, стоял передо мной абсолютно чужим человеком.

Я смотрела на него, чувствовала, как внутри разрастается пустота разочарования, и не могла поверить, что этот кошмар — моя реальность.

Глава 96

Это случилось еще в том проклятом, давящем стенами доме, задолго до нашего спасительного переезда на квартиру. Очередная ссора из-за его матери вскрыла в Варламе первобытную ярость.

Я снова увидела перед собой не мужа, а агрессивного, неконтролируемого чужака. Его пальцы впились в меня с такой животной силой, что в следующее мгновение я отлетела на диван под шквал его крика.

Я попыталась сохранить остатки достоинства: молча поднялась и шагнула к креслу, где лежала моя одежда. «Куда ты?!» — рывкнул он. «Пройтись. Подышать свежим воздухом», — тихо бросила я.

Эта ледяная покорность взбесила его окончательно. Озверевший, он начал в исступлении швырять мои вещи по комнате, а затем с удвоенной жестокостью снова швырнул меня на диван, процедив, что я никуда не уйду.

В ту секунду первобытный страх сковал мне горло: я впервые осознала, на что на самом деле способен этот человек.

Позже появилась наша соседка. Она попыталась достучаться до его разума, заклиная бросить ту, другую девушку, напоминая о семье, о маленьких детях, о жене, которая отдала ему всю себя. И тогда он произнес слова, которые резали по живому: «Я даже не знаю, куда ее деть, ей ведь идти некуда».

Она онемела от шока, а до меня дошло со всей неотвратимостью: он всерьез собирается вышвырнуть меня из своей жизни. А мне и правда было некуда бежать — возвращение к маме в тесную клетушку казалось неприемлемым.

В тотальном отчаянии я рухнула в молитвы. Я молилась долго и усердно, и вскоре реальность начала истончаться,

впуская в мою жизнь странные вещи. Болезненная, удушающая пуповина привязанности к Варламу вдруг начала таять, отступать.

Мир вокруг наполнился нездешними, чудесными ароматами: они витали по нашему дому, преследовали меня на улицах, обволакивали в транспорте.

Эти невидимые запахи погружали меня в состояние тихого, светлого благоговения, и я не могла понять, что со мной происходит. Я с головой ушла в православную литературу, зачитывалась житиями святых, вставала посреди ночи на молитву.

И во мне всё изменилось. Внутри поселилась звенящая пустота — я поняла, что мне больше не нужен муж, его присутствие стало для меня абсолютно неважным.

Варлам возвращался домой и бесился от непонимания. Он не мог постичь, почему я улетела в свои мысли и не обращаю на него никакого внимания. Он орал на меня, но звук его голоса словно разбивался о невидимый купол и больше не имел смысла.

А однажды он пришел с огромным букетом цветов и заявил, что разорвал отношения с любовницей. А мне было всё равно, как если бы это меня совершенно не касалось. Но именно в этот момент его словно прорвало: он вдруг начал проявлять ко мне страстные чувства.

Ночи наполнились обжигающей нежностью. Мое тело откликнулось — я начала испытывать яркие оргазмы, которые

за всю нашу семейную жизнь случались лишь несколько раз. Я снова начала плавиться и растворяться в нем еще больше, теряя с трудом обретенную броню.

Какое-то время иллюзия семейного счастья держалась на плаву: казалось, что связь с любовницей действительно разорвана, и мы отчаянно пытались сохранить семью.

Но вскоре что-то снова пошло не так: его начали поглощать неизвестность, он стал пропадать. И тогда я ясно осознала, что любые дальнейшие попытки что-то сохранить уже абсолютно бесполезны.

Глава 97

Тот вечер на берегу реки врезался в память холодной, отрезвляющей занозой. Папа пригласил нас с Варламом и мамой на рыбалку. Мы разбили лагерь, поставили палатки и обустроили беседку у самой воды.

Пока отец с мужем уплыли на лодке за уловом, мы с мамой хлопотали на берегу, занимаясь приготовлениями. Я смотрела на речную гладь и видела, как Варлам безучастно лежит в лодке, с головой погруженный в свои мысли.

Мое сердце сжималось от ядовитой догадки: он был не со мной, он витал в романтических мечтах о ней.

Сгустились сумерки, папа с Варламом разожгли трещащий искрами костер и принялись готовить уху. А потом наступила ночь. Всё вокруг замерло, затихло, а я лежала в па-

латке, сжигаемая бессонницей в ожидании его возвращения.

После долгих мужских разговоров с отцом Варлам всё-таки пришел ко мне, и между нами вспыхнул бурный, отчаянный секс. Но даже в эти мгновения близости меня душила невыносимая мысль: а вдруг, закрывая глаза, он представляет её?

После той поездки мое тело словно взбунтовалось: оно испытывало к мужу мучительные, болезненно двойственные чувства. Незримая тень любовницы стояла между нами повсюду, отравляя воздух.

В отчаянной попытке спасти то, что уже рассыпалось в прах, мы пошли к семейному психологу. Но этот визит обернулся лишь новым ударом: оставшись наедине с врачом, Варлам вылил на меня ушаты грязи.

А психолог, вместо помощи, хлестнула упреками: мол, я лезу в телефон мужа и совершенно не прислушиваюсь к его мнению. Это больно задело меня, разрушив последние иллюзии.

В поисках хоть капли душевного равновесия я пришла в храм и решительно написала заявление на увольнение. Мой начальник, Игорь Робертович, строго предупредил: дороги назад не будет, ушедших с работы из храма обратно не берут. Я понимала всю тяжесть его слов, но свое решение не изменила.

Нужно было выживать и двигаться дальше. Знакомая подкинула идею устроиться в вагон-ресторан и посоветовала

прочитать молитву о поиске хорошей работы. И произошло то, чего я никак не ожидала — меня приняли на должность официантки в тот же самый день!

Я помню, как на собеседовании сидела другая девушка, с огромным опытом работы в ресторане, но ей указали на дверь. Причина оказалась до смешного простой: у нее не было красного диплома, который был у меня. Мой диплом повара-официанта стал тем самым козырем, сыгравшим в мою пользу.

Так передо мной распахнулась новая глава жизни, полная стука колес и постоянных разъездов. Эти перемены стали для меня не просто глотком свежего воздуха, а настоящим новым началом, подарившим возможность сбежать от прежних удушающих забот и полностью сосредоточиться на собственном саморазвитии.

Глава 98

Еще до появления той самой любовницы, ткань моей реальности разорвал совершенно мистический эпизод. В какой-то момент сквозь привычный шум будней прорезался внутренний голос — кристально чистый, спокойный и бесконечно умиротворяющий, призвавший меня оставить дом и отправиться в Дивеевский монастырь.

Я шагнула в неизвестность. После причастия в храме на меня снизошла такая обжигающая благодать и непоколеби-

мая решимость, каких я никогда не знала прежде. В кармане лежали лишь пятьдесят рублей, вложенные в мою ладонь батюшкой, да краюха монастырского хлеба из трапезной, с которыми я и вышла за порог.

Дорога дышала пылью и опасностью. Судьба подкинула мне попутчика — дальнобойщика, который вызвался подбросить меня до Нижнего Новгорода. В тесной кабине фуры воздух быстро стал тяжелым: мужчина начал распускать руки, и хотя внутри все сжималось от отвращения, меня спасла смекалка.

Я на ходу сочинила легенду о жуткой, болезненной инфекции, чтобы охладить его пыл и пресечь домогательства. Утренняя мгла рассеялась над придорожной столовой, где мой ночной мучитель вдруг преобразился: он стал подчеркнуто дружелюбен и даже протянул мне пятьсот рублей на дальнейший путь, которые я взяла со скупой осторожностью.

На первом же повороте я выскользнула из его машины, испытав невероятное облегчение, когда меня подхватил уже другой водитель большегруза. Он оказался бескорыстным и не взял с меня ни копейки, за что я была ему искренне благодарна.

Нижний Новгород встретил меня куполами. Я зашла в первый попавшийся храм, где местный священник стал моим проводником: он дал мне немного денег и указал верный путь к автобусу до Дивеево. Лишь к вечеру я достигла стен великого монастыря.

И вот она — знаменитая Канавка Божией Матери. Ступив на нее впервые, я словно прорвала какую-то внутреннюю плотину и уже не могла сдержать нахлынувших слез.

Небеса плакали вместе со мной: лил дождь, и казалось, что сама природа разделяет каждую каплю моих оголенных чувств. В тот момент я совершила свой личный ритуал: оставила хлеб как приношение, стянула с пальца обручальное кольцо и опустила его в ящичек с пожертвованиями Серафиму.

Позже монахиня провела меня к послушнице по имени Клавдия, и именно здесь начали происходить по-настоящему странные события.

Эта женщина будто видела меня насквозь, читая мои мысли, что сразу привело меня к выводу о наличии у нее дара прозорливости. Монастырские тайны будоражили интерес: в доме Клавдии пряталась скрытая тайная молильная комната, куда мне строжайшим образом запретили входить.

Я изливала ей душу, рассказывая о своем пути, о семье и о том, как невыносимо скучаю по детям. Ее ответ прозвучал как гром среди ясного неба, повергший меня в глубокий шок: она предрекла, что с Варламом мы все равно не будем вместе.

Мой побег от мира продлился недолго. Через настоятельницу обители Клавдия сообщила о моем местонахождении, и вскоре на пороге появились те, кто меня потерял: Варлам, сестренка Ромэлия и мама. Варлам крепко сжал меня в объ-

ятиях, всем своим видом демонстрируя полную решимость всё исправить.

Но внутри меня уже пульсировало холодное знание: эта иллюзия благополучия — лишь временная отсрочка, и мое тяжелое предчувствие, как показало время, меня не обмануло.

Ведь это мистическое путешествие изначально не было жалкой попыткой наладить отношения с Варламом.

Это было нечто куда более грандиозное — мощнейшее внутреннее руководство, первобытный зов сердца, за которым я последовала вслепую, презрев все земные трудности и сковывающие страхи.

Глава 99

То, что разразилось между Варламом и Тимуром, стало для меня парализующим, настоящим шоком. Годами наш семейный фасад казался безупречным, отношения выглядели идеальными, но этот дикий эпизод безжалостно вскрыл все затаившиеся трещины.

Оказалось, что глухая ненависть Варлама к Тимуру зрела и накапливалась уже давно. Искрой, подорвавшей этот пороховой заряд, стало то, что Варлам узнал о словах Тимура про измену, что в итоге вылилось в неуправляемую, жестокую агрессию.

Я до сих пор с содроганием помню тот момент: мы шли

все вместе — я, мама, Варлам и наши дети, когда привычная история о том, что пьяный Тимур устраивает очередной дебош, разорвала вечер.

Варлама словно подменили: услышав от соседей, что Тимур разбивает окна, он потерял голову, резко сунул Вовика мне в руки и сорвался с места. Мамин отчаянный крик летел ему в спину, но ярость уже переполнила его чашу, и он слепомчался навстречу брату.

Добравшись до дома, я оцепенела от развернувшейся ужасной картины: мой брат валялся на полу, сплошь залитый кровью, а Варлам своими окровавленными руками иступленно избивал его по лицу.

Мое сердце мучительно сжалось от животного страха и тревоги. Я закричала на Варлама, и только тогда он, бросив на меня взгляд своего искаженного гневом лица, словно пришел в себя.

Передо мной стоял не тот человек, которого я знала; он начал неуклюже оправдываться, твердя, что делал это ради защиты остальных.

Когда Варлам уехал на работу, мы с мамой остались в оцепенении, не в силах поверить в произошедшее. Тот тяжелый вечер, полный удушающих волнений и страхов, я провела у нее.

Утро обнажило последствия: проснувшийся Тимур был совершенно неузнаваем — его лицо превратилось в сплошной опухший кровоподтек. Задыхаясь от ярости и осуждая

Варлама за то, что тот избил его в состоянии алкогольного опьянения, Тимур вдруг произнес слова, от которых у меня перехватило дыхание.

Он признался, что был избит именно за то, что решил раскрыть правду об изменах Варлама — и, как оказалось, это была чистая правда. Этот шокирующий момент изменил для нас с мамой абсолютно всё.

Но пугающая жестокость Варлама просачивалась и сквозь другие щели нашей жизни. Часто после работы он сидел молчаливый, погруженный в свои мрачные думы, и это глухое, тяжелое молчание тревожило меня куда сильнее любых слов.

Все мои попытки разговорить его разбивались вдребезги, оказываясь тщетными. Его пугающая любовь к охоте тоже держала меня в постоянном напряжении. В доме свекрови он хранил ружье, из которого часто отстреливал птиц.

Но один случай шокировал меня до глубины души: он вышел во двор и хладнокровно принялся стрелять по котам из мощного детского пистолета. Когда я с ужасом смотрела на это и назвала его действия жестокими, его ответ ударил меня наотмашь: «Это же животные».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.